

А.В. Скоморохов

Метафизика как основа моральной философии: состояние и возможности

Скоморохов Алексей Вячеславович – младший научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: alskom2@mail.ru

В статье ставится вопрос о том, может ли метафизика стать основой моральной философии в современных условиях и в какой мере решению этой задачи могут способствовать идеи Аристотеля. Вопрос предлагается разрешить, а) выявив причину эмансипации моральной философии от метафизики в современной (новоевропейской) мысли, б) определив, в какой мере аристотелевский способ связывания метафизики и этики может быть перенесен на почву современной мысли (исходя из ее существенных характеристик).

Показано, что сущностным истоком эмансипации моральной философии от метафизики выступает новоевропейское обоснование морали на фундаменте проблемы метафизики (И. Кант). Не лишение этики метафизического фундамента, а устройство этики на фундаменте проблемы метафизики выступает причиной девальвации морального измерения человеческой деятельности. Установлена принципиальная невозможность обоснования этики на фундаменте метафизики в рамках новоевропейской логики мысли. Как следствие, задача метафизического обоснования моральной философии предстает как задача поиска новых оснований, т. е. как задача обращения не к отдельным идеям Аристотеля, но к античным началам философии, в частности к основополагающей идее античности, идее целостности бытия, и к триединству добра, истины и красоты. Содержательное единство метафизики и этики Аристотеля предложено искать в понятии «золотой середины».

Ключевые слова: проблема метафизики, обоснование морали, начала, основания, бытие и мышление, «золотая середина»

Ответить на принципиальный вопрос доклада А.А. Санженакова – как в современных условиях метафизика может стать основой моральной философии – возможно, предварительно озадачившись вопросом: почему и в каком смысле современная мысль эмансипируется от метафизики? Только разрешив этот вопрос, нам удастся понять, возможно ли в принципе (и как возможно) обосновать этику на фундаменте метафизики и в какой мере здесь могут быть полезны уроки Аристотеля. «В принципе» значит: вне зависимости от «точек зрения», «взглядов», потребностей, исходя из сущностных характеристик новоевропейской мысли.

Такой подход предполагает: антиметафизический поворот современной мысли не есть недоразумение отдельных авторов или целых философских школ (положим, аналитической философии), которое требуется «доразуметь» (с тем, чтобы «актуализировать моральную составляющую практического разума в условиях современного дискурса»); в основе этого поворота лежит глубокая закономерность, определившая радикальное переосмысление метафизического и нравственного опытов.

Для прояснения смысла антиметафизического поворота современной философии и установления причин разрыва метафизики и этики рассмотрим способ, каким новоевропейский ум (в лице И. Канта) мыслит метафизику и конституирует связь метафизики и этики.

Неснимаемые противоречия (антиномии чистого разума), к которым приходит новоевропейский ум в попытке помыслить универсальные целокупности, вынуждают мысль включать в идею о бытии идею о невключаемости бытия в мысль, т. е. идею несхождения тождества бытия и мышления. Как следствие, сущность метафизического опыта переосмысливается, и его возможность накрепко соединяется с **возможностью свободы**. **Обнаруживается: не метафизические идеи возвышают человека над миром обыденного («физического») существования, но, напротив, добытая в несхождении тождества «свобода есть... то самое “мета”, благодаря которому человек обитает не только в физическом мире»¹**. Сверхчувственные сущности (Добро, Истина, Красота) не заданы (естественно или сверхъестественно), а загаданы и, апеллируя к «доброй воле», требуют разгадки – изобретения (постулирования) практическим разумом. Человек ничем не обусловлен и призван обрести из себя (изобрести) все «мета» метафизики – включая самого Бога (см. постулаты практического разума).

Укоренение метафизического опыта в номене свободы придает проблеме метафизики этический смысл. Предполагается: расстраивая тождество (заданный порядок), проблема метафизики освобождает место для нравственной ответственности. Так, проблема (метафизики) становится основанием (морали), а мораль – «храмом, построенным на расчищенном [от догматической метафизики] месте» (Л. Толстой).

Артикулированная И. Кантом логика связи метафизики и этики (метафизический проблематизм – номен свободы – нравственная практика) фундирует большинство новоевропейских учений, определяя их существенные черты. К ним прежде всего относится представление о радикальной поврежденности (не-благости) всего сущего и понимание нравственной практики как процесса воссоздания, изобретения и полагания «блага» из автономного морального субъекта. В проблеме метафизики коренится основание возможности столь разных (на первый взгляд) интеллектуальных сюжетов, как: автономия морального субъекта (Кант), этика сверхчеловека и воли-к-власти (Ницше), оппозиция экзистенции и эссенции (Сартр), философия поступка (Бахтин), философия абсурда (Камю), «негативная диалектика» (Адорно), философические романы Ф. Достоевского («*Вся проблема героев Достоевского, – указывает М. Мамардашвили, – состоит в том, чтобы нечто, – что принято, что красиво, что добро, – выросло из меня самого*»²).

¹ Ахутин А.В. Поворотные времена. СПб., 2005. С. 477.

² Мамардашвили М.К. Лекции о Прусте (психологическая топология пути). М., 1995. С. 173.

Поскольку в нововременной логике метафизический проблематизм выступает основанием возможности нравственной практики, понятой как свободное творение блага «из меня самого», критика (догматической) метафизики становится насущной потребностью морального сознания. Неудивительно, что именно моральное сознание (а не сознание, нацеленное на снятие противоречий в мышлении) выступает наиболее жестким критиком метафизики. Именно моральное сознание обвиняет метафизику в порождении технической цивилизации, в санкционировании гетерономного порядка, в претензии на окончательное решение философского вопроса.

Из сказанного становится достаточно ясно, что антиметафизический настрой (пафос) современной философии – необходимое следствие новоевропейской логики мысли, в частности следствие укоренения морали в проблеме метафизики (ноумене свободы).

Несколько менее ясным остается то, что и девальвация морального измерения человеческой деятельности, на которую справедливо указывает А.А. Санжеников, обусловлена не разрывом метафизики и этики, но обоснованием морали на фундаменте проблемы метафизики. Иными словами, в случившемся повинен не позитивист, рассчитывающий преодолеть метафизику «логическим анализом языка» (Р. Карнап), а автор «метафизики нравственности» и моралист *par excellence* (И. Кант).

Суть в том, что переход от разрушения метафизики к строительству «храма на расчищенном месте» представляет собой главную неразрешимую проблему новоевропейской этики. Проблема заключается в следующем: возможно ли до конца принять, сделать своим, обрести то, что всего лишь изобретено (обретено-из-себя)? Возможна ли, скажем, вера в «постулированного» Бога?

Как показано Я. Голосовкером в работе «Достоевский и Кант», метафизический проблематизм теоретического разума в его экзистенциальной проекции – перипетиях романов Достоевского – оборачивается не производством блага, а нравственной катастрофой³. Критик метафизики – подпольный человек – не строит храм на месте, расчищенном от метафизики (от цели, пути, порядка). Иван Карамазов заключает от пустоты Ничто («Бога нет») к нигилизму («все дозволено»). Политический деятель, «выходя из свободы, заключает безграничным деспотизмом». «Из меня самого», показывает Ф. Достоевский, производится то, что неправильно, не добро, а зло; и в конце концов на «расчищенном месте» строится не «храм», а концлагерь (царство Великого инквизитора).

Из вышесказанного следует вывод: «актуализировать моральную составляющую практического разума в условиях современного дискурса» (т. е. решить поставленную X задачу) невозможно, поскольку современный дискурс сам является источником девальвации моральных суждений. Укорененность проблемы в началах новоевропейского мышления (а не в ошибках отдельных авторов и философских школ) требует искать ее решения не на путях обращения к идеям античных авторов (в частности, идеям Аристотеля), которые можно было бы использовать в рамках данного дискурса, но на путях изменения начал, оснований (Нового времени).

³ См.: Голосовкер Я.Э. Достоевский и Кант. Размышления читателя над романом «Братья Карамазовы» и трактатом Канта «Критика чистого разума». М., 1963.

В этом контексте обращение к мысли Аристотеля значимо прежде всего потому, что оно предполагает также обращение к античным началам философии, т. е. к сути времени, в котором Аристотель творил.

Как связываются метафизика и этика в системе Аристотеля?

А. Санженатов усматривает точку пересечения метафизики и этики Аристотеля в понятии «энергия» – как чистой актуальности, «деятельности, смысл которой заключен в самой этой деятельности», «некоторой активности, причины, основания и цели которой нельзя искать вне этой деятельности». (При этом «энергичный» подход к выявлению фундамента этики Аристотеля противопоставляется «эссенциальному» подходу, в рамках которого содержательное единство метафизики и этики Аристотеля усматривается в понятии «сущность».)

Прислушаемся к данным формулировкам: в них отчетливо звучат обороты на новоевропейской этике. В оппозиции «энергии» и «эссенции» угадывается оппозиция экзистенции и эссенции, в идее «самодовлеющей деятельности» узнается принцип моральной автономии, в образе Величавого проступают черты сверхчеловека... Можно, конечно, прочесть Аристотеля и таким образом (из перспективы новоевропейской мысли) и, быть может, понять что-то глубже как в мысли Аристотеля, так и в самой новоевропейской этике. Однако, как было указано выше, все значимые идеи и мотивы новоевропейской этики являлись не «воззрениями» отдельных философов (Канта, Ницше, Сартра), но закономерно проистекали из логики мысли (начал) Нового времени. Отсюда возникает вопрос: каково их возможное основание в системе Аристотеля и в целом античной мысли? Т. е. **в рамках мысли, преобразующей «хаос разнообразно изменчивого в единообразный космос» и «охватывающей изменчивость существования совпадающим с собой бытием»?**⁴ Проще говоря: где в «плотном», ладно скроенном античном «космосе» возможно обнаружить свободное пространство для построения «храма», из-себя-самого полагания поступка, самодовлеющей активности и чистой актуальности?

«Картина мира» Аристотеля, в которой структурой «естественных мест» и образом равновесного состояния примиряются движение и покой, кажется, совсем не оставляет места «храму» морали в ее энергично-экзистенциальном новоевропейском облике. Ведь там, где новоевропейский ум усматривает (изобретает) разлады и противоречия (в рамках стратегии «разделяй и властвуй [над природой]») и в конце концов открывает несхождение тождества бытия и мышления и пустоту Ничто (проблему метафизики), античный «ум-художник» (А. Ахутин) **сглаживает разлады и открывает единство, гармонию, меру и лад космоса.** Следуя логике толстовской метафоры, можно сказать: античная мысль не расчищает место для строительства храма – ей сам космос представляется храмом.

Остается предположить: либо этика Аристотеля действительно предвосхищает мотивы и идеи новоевропейской этики (автономии морального субъекта и пр.), но тогда она не фундирована его метафизикой и, главное, не связана с античной логикой мысли, – либо знаковые черты новоевропейской этики инородны этике Аристотеля и единство метафизики и этики Аристотеля следует искать в иной сфере.

⁴ Ахутин А.В. Античные начала философии. СПб., 2007. С. 331.

Мне близка вторая возможность. Но в рамках данных раздумий возможно лишь предварительно очертить направление поиска. Одним из главных теоретических достижений Аристотеля является, как известно, решение проблемы движения: включение движения в онтологическую картину мира. Как это решение стало возможным? Мы упоминали выше про состояние равновесия. Именно в состоянии равновесия содержится «возможность переводить понятие движения в понятие покоя и обратно»⁵. Именно в равновесии заключена возможность «многообразия возможных приключений – изменений, проявлений, рождения и гибели» всего сущего»⁶, перехода из движения в покой и из покоя в движение. Заметим, что в этике Аристотеля теоретической идее равновесного состояния соответствует идея «золотой середины»: в точке «золотой середины» (в равновесной точке), как в мере, содержится все многообразие возможных отклонений (избытков и лишений) человеческой деятельности, и одновременно «золотая середина» есть идеал (цель) совершенного (добродетельного) бытия: осуществленность, покой, исполненность, полнота индивидуального бытия (счастье). Отсюда можно провести параллель между решением проблемы движения, позволившим мыслить сущее в полноте его бытия (в его осуществленности) как тождество формы и движения, и решением этической проблемы, позволившим мыслить добродетельного человека в полноте (в осуществленности) его индивидуального бытия.

Подведем итог. Соглашаясь с А. Санженаковым относительно необходимости метафизического обоснования моральной философии, мы полагаем, что для решения этой задачи необходимо отказаться от новоевропейской логики «разделяй и властвуй» (обеспечивающей господство над природой) и обратиться к античной логике (обеспечивающей триединство добра, истины и красоты).

Список литературы

- Ахутин А.В.* Античные начала философии. СПб.: Наука, 2007. 783 с.
Ахутин А.В. Поворотные времена. СПб.: Наука, 2005. 743 с.
Голосовкер Я.Э. Достоевский и Кант. Размышления читателя над романом «Братья Карамазовы» и трактатом Канта «Критика чистого разума». М.: Изд-во АН СССР, 1963. 102 с.
Мамардашвили М.К. Лекции о Прусте (психологическая топология пути). М.: Ad Marginem, 1995. 548 с.

Metaphysics as the Basis of Moral Philosophy: Status and Possibilities

Alexsey V. Skomorokhov

RAS Institute of Philosophy. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: alskom2@mail.ru

The article focuses on establishing conditions that may allow metaphysics to be the basis of moral philosophy under the rule of modern discourse, and specifically on Aristotle's thought contribution to solving this problem. In this regard the objectives of the article are: a) to

⁵ *Ахутин А.В.* Античные начала философии. С. 329.

⁶ Там же.

identify the primary causes of moral philosophy and metaphysics dissociation in modern thought, b) to find out, whether Aristotle's way of metaphysics and ethics association can be useful under the conditions of modern discourse. Therefore, the problem of identifying the metaphysical foundations of Aristotle's ethics is being considered in the broader context of identifying the cardinal ways of linking metaphysics and ethics in the history of thought. It is shown that moral philosophy and metaphysics dissociation in modern thought is determined not by the arbitrary position of philosophical schools, but by fundamental origins of the New European thought, in particular by foundation of morality on the metaphysical problem (Kant's antinomies of pure reason). Moral issues of the present days (namely: devaluation of morality) are therefore tracked to origins of New European thought. Overcoming these issues requires the change of foundations of thought, resorting to the ancient origins of philosophy (especially to the crucial idea of integrity).

Keywords: problem of metaphysics, origins, foundations of morality, being and thinking, "golden mean"

References

Akhutin, A.V. *Antichnye nachala filosofii* [Ancient Origins of Philosophy]. Saint-Petersburg: Nauka Publ., 2007. 783 pp.

Akhutin, A.V. *Povorotnye vremena* [Eras' Turning Points]. Saint-Petersburg: Nauka Publ., 2005. 743 pp.

Golosovker, J.E. *Dostoevskiy i Kant. Razmyshleniya chitatelya nad romanom «Bratiya Karamazovy» i traktatom Kanta «Kritika chistogo razuma»* [Dostoevsky and Kant. Reader's Reflection on *The Karamazov Brothers* and on *Critique of Pure Reason*]. Moscow: USSR Academy of Sciences Publ., 1963. 102 pp.

Mamardashvili, M.K. *Lektsii o Pruste (psihologicheskaya topologiya puti)* [Lectures on Prust (Psychological Topology of Pathway)]. Moscow: Ad Marginem Publ., 1995. 548 pp.